

Сибирское житие протопопа Аввакума

К 370 – летию с момента прибытия
Аввакума в Сибирь

Протопоп Аввакум Петров 5.12. 1620 - 24.04. 1682 гг. — священник Русской церкви, протопоп, писатель и публицист, крупнейший деятель раннего старообрядчества.

Аввакум родился в семье священника в селе Григорово Нижегородского уезда (ныне Большемурашкинский район Нижегородской области). Когда мальчику было 15 лет, не стало его отца и воспитанием юноши стала заниматься набожная мать Мария (в иночестве Марфа), которая оказала большое влияние на его религиозное развитие.

В 17-летнем возрасте, по указанию матери, Аввакум женился на дочери кузнеца Анастасии Марковне, которая стала его верной спутницей жизни. В семье Аввакума было 8 детей. После свадьбы молодые жили в мире и согласии. Однако, их семейный быт был омрачен фанатичной религиозностью молодого священника, чья неистовая вера порой становилась тяжелым испытанием для близких.

Аввакум строго требовал соблюдения благочестия: боролся с пьянством, скоморошеством, языческими обрядами, призывал прихожан жить венчанными, не работать в субботу и носить бороду. Кроме того, он взыскивал налоги для патриаршей казны, что ещё больше настроило против него горожан. За это он был неоднократно бит прихожанами и осуждаем другими священниками. Но Аввакум не боялся ничего и стремился во что бы то ни стало донести до людей слово Божие и заставить их жить по канонам Церкви.

Много лишений выпало на долю священника и его семьи! Настасье Марковне на сносях с маленькими детьми пришлось однажды бежать из села, где служил супруг, в итоге дочь родилась в доме у чужих людей, приютивших их по дороге.

Юрьевец-Повольский

Казанский собор

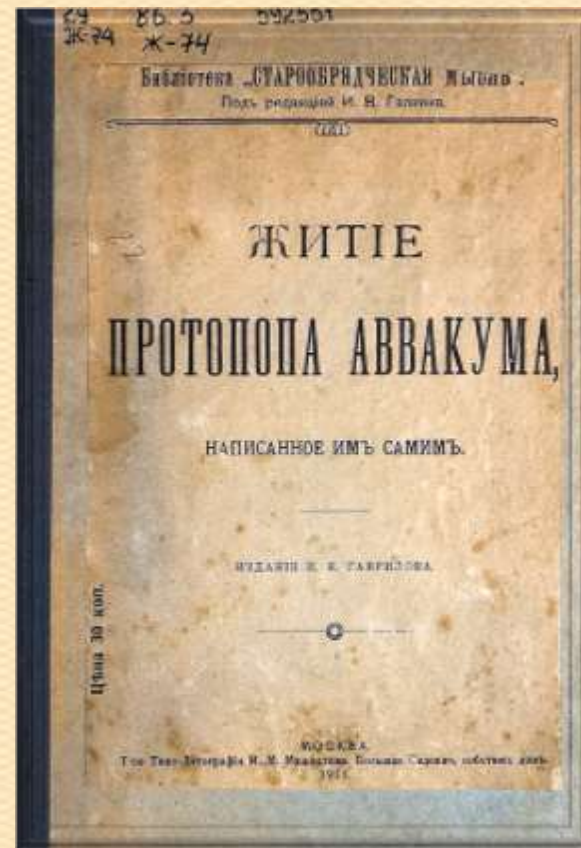
Но, казалось бы, мытарства их закончились, когда Аввакума заметили церковные деятели Москвы. Даже царь Алексей Михайлович оценил его обширные познания, рвение к благочестию и помог стать протопопом и получить хорошее место для службы. В 1652 году по воле царя Аввакум был назначен протопопом (старшим священником) в город Юрьевец-Повольский. Это было знаком особого доверия со стороны государя.

В Москве Аввакум служил в Казанском соборе, настоятелем которого был его покровитель Иван Неронов, и продолжал активно проповедовать.

В то время патриарх Никон задумал церковную реформу для того, чтобы привести русское православие в соответствие с древними общепринятыми канонами. Москва рассматривалась в смелых планах Никона и царя как «Новый третий Рим» — великая держава, которая объединит все христианские народы. Реформы касались, в том числе, и исправления богослужебных книг. Однако этому горячо воспротивился Аввакум, считавший, что книги переписывать — это изменять само Слово Божье, а значит служить не Богу, а его известному оппоненту.

Аввакум в земляной тюрьме

За проповеди против новых правил его лишили места в Казанском соборе. Тогда он стал совершать службы в других местах — например, в церкви святого Аверкия в Замоскворечье, а позже демонстративно служил во дворе дома Неронова. Протопопа переубеждали, как могли, но он стоял на своем. В итоге мятежного Аввакума вместе с семьей, которая в ту пору стала уже многодетной, сослали в Сибирь. В своем Житие, написанном на склоне лет, протопоп рассказывает о тех лишениях, которые довелось пережить ему и верной жене Настасье Марковне.

А испытаний на их долю выпало немало: это была и трудная дорога в Тобольск, и распри с местным воеводой Пашковым, и голод, от которого у Аввакума и Настасьи Марковны умерло двое малолетних сыновей. В Тобольске Аввакум продолжил обличать нововведения, и власти отправили его дальше — в 1656 году приписали к экспедиции воеводы Афанасия Пашкова в Даурию (так тогда называли Забайкалье). Дорога до Забайкалья была не из легких. В Красноярском крае семью священника ждало новое испытание. Во время переправы через реку, Аввакум с женой и детьми, чуть не утонули:

«Едва приехали из Енисейска, как будем в большой Тунгуске-реке, в воду загрузило бурюю дощеник мой совсем: налился среди реки, полон воды; и парус изорвало; одны полубы наверху, а то всё в воду ушло. Жена моя робят кое-как вытаскала на верх, а сама ходит простоволосая, в забытии ума; а я на небо глядя, кричу: „Господи, спаси! Господи, помози!“ И Божиею волею прибило к берегу нас. Много о том говорить. На другом дощенике двух человек сорвало, и утонули в воде. Оправяся, мы паки поехали вперед».

Река Тунгуска, опасная своими порогами

На другом речном пороге воевода Пашков заставил Аввакума идти пешком по горам, а не плыть по реке. В Житие Аввакум пишет не только о трудной дороге, тяжелых бытовых условиях, но и описывает с восхищением природу Сибири. Например, природу на озере Байкал он описывал так:

«О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову! В горах тех обретаются змеи великия; в них же витают гуси и утицы — перие красное, вороны черные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие, — многое множество, птицы разные. На тех горах гуляют звери многие дикие: козы и олени, и зубри, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие, — во очию нашу, а взять нельзя!»

Весной 1657 года экспедиция А. Пашкова, вместе с семьей Аввакума Петрова прибыла в Забайкалье. Здесь они жили около шести лет — примерно с весны 1657 по июнь 1662 года.

Воевода Пашков с особой жестокостью относился к Аввакуму, за веру его.

«Он же и стоит, и дрожит, шпагою подпершись. Начал мне говорить: «Поп ли ты или распон? И я отвечал: Аз есмь Аввакум протопоп; что тебе дело до меня? Он же, рыкнув, яко дикий зверь, и ударил меня по щеке и паки по другой, и в голову ещё; и сбил меня с ног, ухватил у слуги своего чекан и трижды по спине лежачего зашиб, и, разоболокши, по той же спине семьдесят два удара кнутом...».

«И он велел меня в казённый дощаник оттащить: сковали руки и ноги и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шёл, всю ночь под капелию лежал. Как били, так не больно было с молитвою тою; а лежа, на ум взбрело: За что ты, Сыне Божий, попустил меня ему таково больно убить тому? Я ведь за вдовы Твои стал! Кто даст судию между мною и Тобою? Когда воровал, и Ты меня так не оскорблял, а ныне не вем, что согрешил!»

Е.Д. Мальцев «Протопоп Аввакум в Сибири», 1975 г.

A photograph of a traditional wooden tower, likely a watchtower or a small fortification, constructed from light-colored wood. The tower has a multi-tiered roof with a small spire on top. A wooden staircase leads up to the entrance on the right side. The tower is surrounded by a wooden fence, and there are trees and a grassy area in the background.

БРАЦКИЙ острог с деревнями

НАЧАЛО XVIII века

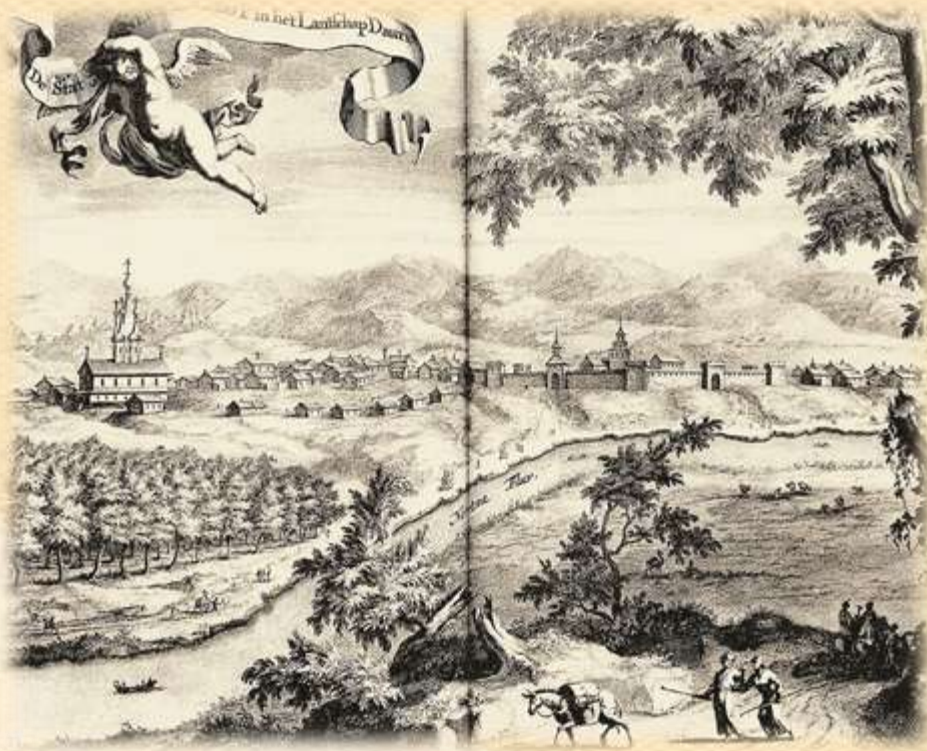
Map of the Bratsky Oostrog region at the beginning of the 18th century. The map shows the Angara River and its tributaries, including the Kama, Tynda, and others. Key locations marked include the Bratsky Oostrog, various islands like Antona's Island, and numerous villages and settlements. The map is framed by a decorative border.

«На Байкалове море тонул. О Хилке по реке заставил меня лямки тянуть. Лето целое мучился. От водяные тяготы люди изгибали, и у меня ноги и живот был синь. На том же Хилке в третье лето тонул. Барку от берегу оторвало водою: людские стоят, а мою ухватило да и понесло! Жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормициком помчало. Вода быстрая, переворачивает барку вверх боками и дном; а я на ней ползаю, а сам кричу: „Владычице, помози! Упование, не утопи!“ Иное ноги в воде, а иное выползу наверх. Несло с версту и больше; да люди переняли. Всё размыло до крохи! Да што делать, коли Христос и Пречистая Богородица изволили так? Я, вышед из воды, смеюсь; а люди-то охают. Платье моё по кустам развешивая, шубы отласные и тафтяные, и кое-какие безделицы, что ещё было в чемоданах да в суммах, — всё с тех мест перегнило, наги стали. А Пашков меня же хочет опять бить «Ты-де над собою делаешь на посмех!» И я паке свету-богородице докучать; «владычице, уйми дурака тово!». Так она, надежда, уняла: стал по мне тужить.

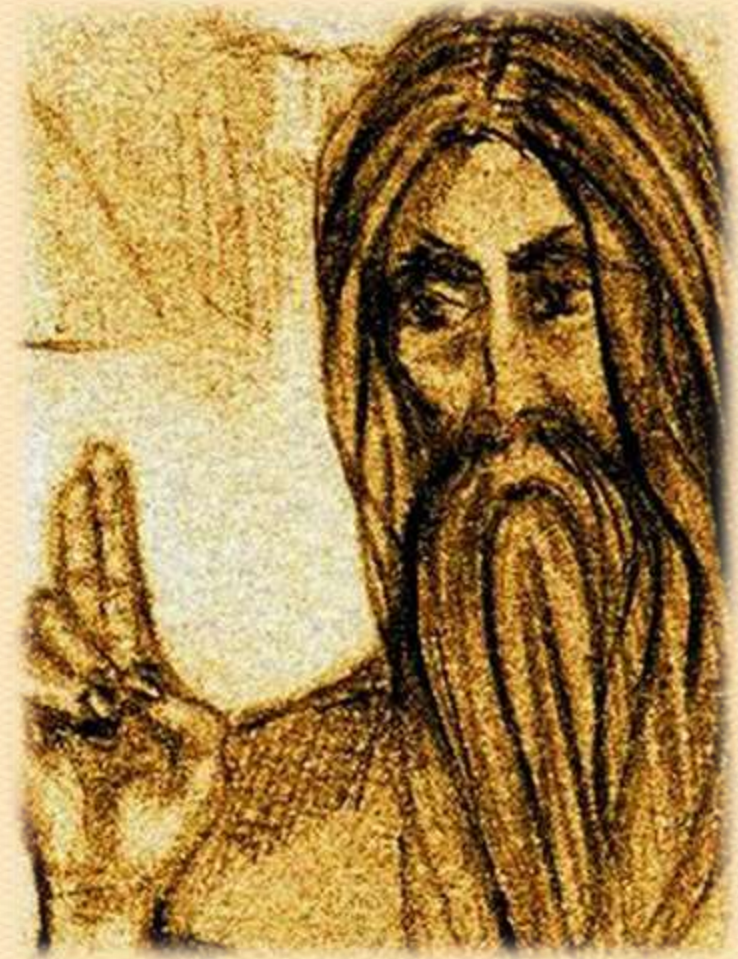

р. Хилок

«Весною на плотах по Ингоде-реке поплыли на низ. Четвёртое лето плаванию моему от Тобольска. Лес гнали хоромной и породовой. Стало нечева есть... Дали нам четыре мешка ржи, и мы год-другой тянули по Нерче-реке живучи, с травой перебиваячися. Все люди с голоду поморил, никуда не отпускал промыслять - траву и коренья копали, а мы — с ними же.; а зимою-сосну; а иное и кобылятины бог даст, и кости находили от волков пораженных зверей и что волк не доест, мы доедем. Волею и неволею причастен кобыльим и мертвечим звериным и птичьим мясам. Кобыла жеребенка родит, а голодные втай жеребенка съедят. А Пашков сведав, и кнутом до смерти забьет...».

р. Нерча и г. Нерчинск

Фрагмент фрески, на котором Аввакума изображают с характерным дуперстием. Автор не известен

Перед возвращением из Забайкалья Аввакум добился, чтобы с ним отпустили нескольких ослабевших казаков, которым грозила гибель без поддержки. Путь начался сплавом по реке Хилок (притоку Селенги) в сторону Байкала на «худом дощанике» — простом судне, что подчёркивает крайнюю скудость средств и опасность маршрута.

«Также с Нерчи-реки паки назад возвратилися к Русе. Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дали две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивавиися об лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошадьми идти не посеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, — кользко гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на неё набрёл, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: „Матушка-государыня, прости!“ А протопопица кричит: „Что ты, батко, меня задавил?“»

Е.Д. Мальцев «Протопоп Аввакум в Сибири»

Описывая подвиг своей жены, Аввакум рассказывает о таком разговоре с ней:

«Приду — она пеняет: Долго ль муки сей нам будет, протопоп?». А я ей: «Марковна, до самой смерти». Она ж, вздохня, ответила: «Добро, Петрович. Ин дальше побредем...»

С.Д. Милорадович «Путешествие Аввакума по Сибири»

Маршрут пролегал через суровые сибирские земли: от Забайкалья к Байкалу, далее — на запад через Енисейск и Тобольск. Путь занял около двух лет (1662–1664). При этом Аввакум не прекращал проповедовать, активно обличая «никоновы новины» в каждом населённом пункте.

Несмотря на временное смягчение участи, Аввакум не отказался от своих убеждений. Его возвращение из Забайкалья стало не завершением испытаний, а новым этапом борьбы: уже в 1664 г. он вновь столкнулся с давлением властей, а в 1666–1667 гг. прошёл через церковный суд и новые ссылки, завершившиеся его казнью в 1682 г.

П.Е. Мясоедов «Сожжение протопопа Аввакума», фрагмент, 1897 г.

После сожжения Аввакума в Пустозерске его жена Анастасия Марковна и дети оставались в ссылке на Мезени. Условия были крайне тяжёлыми: Анастасию Марковну и старших сыновей Ивана и Прокопия заключали в земляную тюрьму, а младшие дети (Агриппина, Акулина, Ксения, Афанасий) для пропитания вынуждены были просить милостыню. Анастасия Марковна неоднократно подавала челобитные царю с просьбами о помиловании и освобождении. И только, спустя 11 лет, в 1693 г. женщине с детьми разрешили вернуться из ссылки.

В 1916 г. старообрядческая церковь Белокриницкого согласия причислила протопопа Аввакума к лику святых. В старообрядчестве его обычно называют не просто «великомучеником», а священномучеником и исповедником.

Старообрядческая церковь Белокриницкого согласия

